

Энн Файн

Дневник Кота Убийцы

все истории

САМОКАТ

Энн Файн

**Дневник кота-убийцы.
Все истории (сборник)**

«Самокат»

1994-2016

Файн Э.

Дневник кота-убийцы. Все истории (сборник) / Э. Файн —
«Самокат», 1994-2016

Теперь все истории о многочисленных проделках Таффи собраны в одной# книге с новыми иллюстрациями. Энн Файн, кавалер ордена Британской# империи, член Королевского литературного общества, обладатель двух медалей Карнеги, многократный# лауреат звания «Лучший# детский# писатель года» в Британии, французской премии за лучшую переводную книгу, нескольких престижных американских литературных премий и многих других.

© Файн Э., 1994-2016

© Самокат, 1994-2016

Содержание

Дневник кота-убийцы	7
Понедельник	7
Вторник	9
Среда	11
Четверг	12
Пятница	15
Суб Все еще пятница	17
Суббота	19
Возвращение кота-убийцы	25
Как это начиналось	26
«Дом, милый дом!» Милый ли?	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

The Diary of a Killer Cat – © Anne Fine, 1994

The return of the Killing Cat – © Anne Fine, 2003

The Killer Cat Srtikes Back – © Anne Fine, 2006

The Killer Cat's Birthday Bash – © Anne Fine, 2008

The Killer Cat`s Christmas – © Anne Fine, 2009

The Killer Cat in love – © Anne Fine, 2016

The Killer Cat runs away – © Anne Fine, 2013

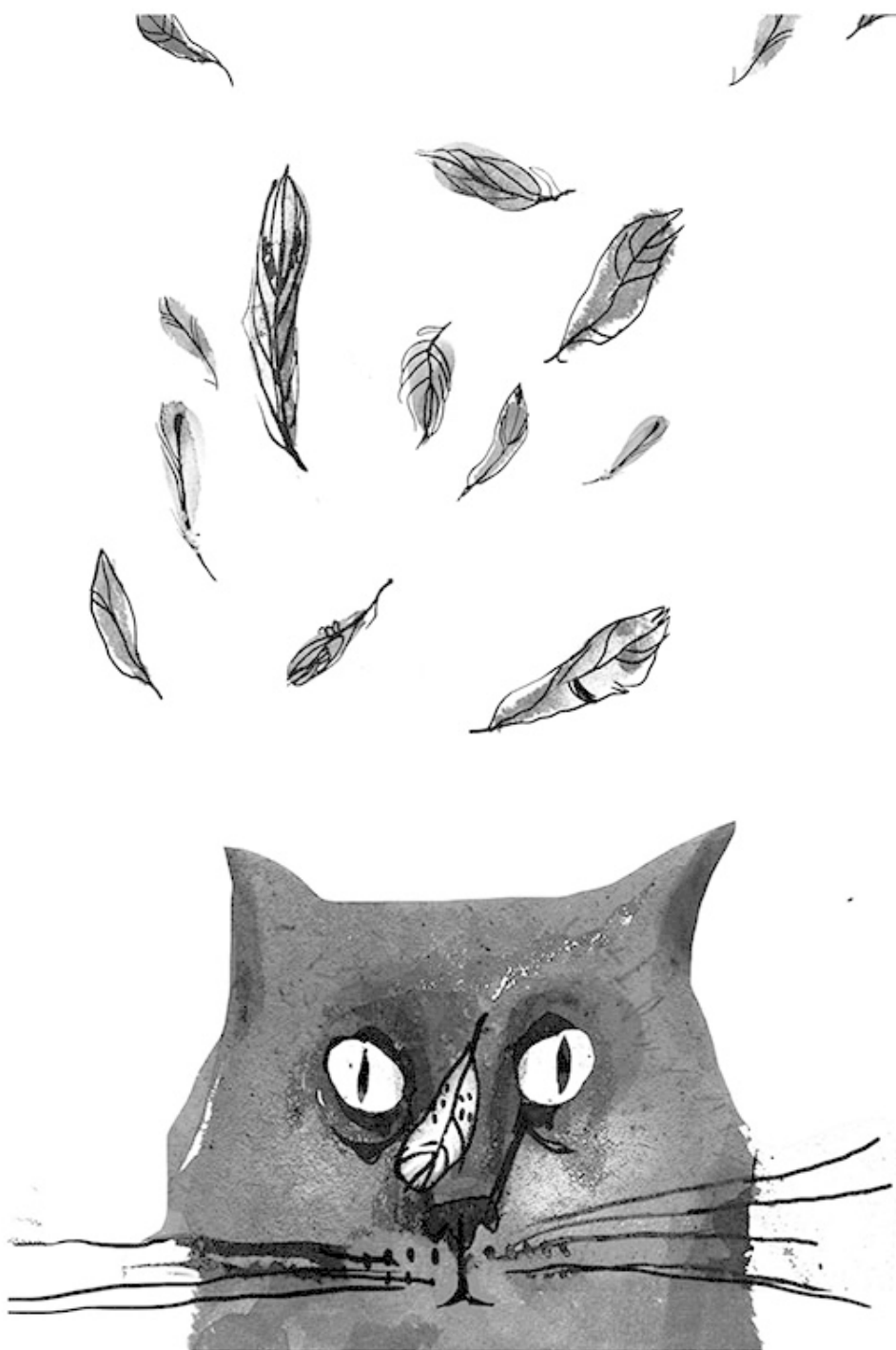
© Крупская Д. В., перевод, 2016

© Алиса Юфа., иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом “Самокат”», 2017

* * *

Дневник кота-убийцы

Понедельник

Ой, да ладно, я вас умоляю. Да, я убил птицу. Ну так повесьте меня! В конце концов, я же кот. По сути дела, это моя работа – подстергать в саду пухлые, нежные – нямр-ням – пернатые пирожки, которые с трудом перепархивают с одной живой изгороди на другую.

И что, скажите, мне было делать, когда один такой утыканный перьями малыш прямо-таки ринулся мне в пасть? Говорю вам, он приземлился мне на лапы. Он мог меня поранить!

Ой, ладно, ладно. Ну, сбил я его. Но это не повод, чтобы Элли рыдала в меня, как в подушку, так что я едва не утоп, и так сжимала, что я чуть было не испустил дух.

– О, Таффи! – причитала она (тут вам и всхлипы-хлюпы, и покрасневшие глаза, и горы мокрых от слез салфеток). – О, Таффи! Как ты мог!

Как я мог? Я же кот. Откуда мне было знать, что поднимется такой тарарам и мама Элли помчится за старыми газетами, а папа Элли притащит ведро с мыльной водой?

Ой, ладно, ладно. Может, и не стоило приносить ее в дом и укладывать на ковре. Может, на нем и в самом деле теперь останутся пятна.

Ну так повесьте меня!

Вторник

А похороны мне понравились. Не уверен, что доставил им удовольствие своим присутствием, но, в конце концов, это же и мой сад. Вообще-то я в нем провожу намного больше времени, чем они. К тому же единственный в этой семье использую его по назначению.

И никакой благодарности. Вы бы их слышали!

«Этот кот изуродовал мне клумбу. От петуний остались рожки да ножки!»

«Едва я высадила лобелии, как он разлегся на них и все подавил».

«Ну зачем, скажите на милость, он нарыл ям в анемонах?»

Жалобы, жалобы, жалобы, жалобы. Не пойму, зачем было заводить кота, если без конца жаловаться?

Только Элли не жалуется. Она слишком занята оплакиванием птахи. Положила ее в коробку, обернула коробку платком, выкопала ямку. Потом мы все встали вокруг, а она произнесла речь: пожелала птичке удачи в раю.

— Пошел прочь! — цыкнул на меня отец Элли, довольно-таки грубый тип. Но я только хвостом махнул. И одарил его суровым взглядом. Кем он себя возомнил? Если я желаю смот-

реть на похороны птички, я буду смотреть. Я, между прочим, знаком с этой птицей дольше всех. Я знал ее еще живой.

Среда

Ой, ладно, я вас умоляю! Ну хотите – выдерите меня! Я принес мертвую мышь в их «дом, милый дом». Да я даже не убивал ее, нашел уже мертвой. Здесь же опасности на каждом шагу. Дороги по колено засыпаны крысиным ядом, в любое время суток туда-сюда снуют машины, и я тут, между прочим, не единственный кот. Даже не знаю, что с бедняжкой стряслось. Я просто шел мимо и наткнулся на нее. Она к тому времени уже испустила дух. Недавно, но испустила. И тут мне пришла в голову мысль, что неплохо бы принести ее домой. Не спрашивайте, почему эта мысль пришла мне в голову. Видимо, временное помешательство. Я же не предполагал, что Элли схватит меня и начнет читать нотации.

– О, Таффи! Второй раз за неделю! Я этого не вынесу. Я знаю, что ты кот, что у тебя инстинкт и все такое. Но прошу: перестань ради меня!

И смотрит мне в глаза.

– Перестанешь?

Я одарил ее взглядом. Вернее, попытался, но она мой дар не приняла.

– Я серьезно, Таффи, – сказала она. – Я тебя люблю и понимаю, но ты должен все это прекратить, ладно?

Она держала меня на весу. Что я мог сказать? Тогда я попытался придать себе виноватый вид. Она снова разрыдалась, и мы устроили еще одни похороны.

Здесь становится все забавней. Прямо цирк какой-то.

Четверг

Ладно, ладно! Попытаюсь объяснить про кролика. Прежде всего, вы вряд ли себе представляете, чего мне стоило протащить его сквозь кошачью дверцу. Это было ох как нелегко. Около часа у меня ушло на то, чтобы втянуть этого кролика в маленький кошачий лаз. Надо же такие бока отъесть! Это какой-то поросенок, а не кролик, если кого-то интересует мое мнение.

Нет, оно никого не интересовало. Они просто с ума посходили.

– Это Шлеп! – завопила Элли. – Это соседский Шлеп!

– Боже правый! – сказал папа Элли. – Вот теперь мы по-настоящему влипли. Что же делать?

Мама Элли уставилась на меня.

– Неужели кот мог такое сотворить? – спросила она. – Это вам не птичка, не мышь. Этот кролик ростом с Таффи. Они оба весят по тонне.

Мило. Очень мило. И это говорит моя семья. В смысле, семья Элли. Но вы меня поняли.

Элли, разумеется, устроила истерику. Просто голову потеряла.

– Какой ужас! – вопила она. – Кошмар! Не верю, что Таффи мог такое сделать. Шлепик был нашим соседом много лет.

Конечно. Шлеп был моим другом. Я его хорошо знал.

Элли накинулась на меня.

– Таффи! Как же так? Бедный, бедный кролик! Ты только погляди на него!

Надо признаться, выглядел Шлеп неважнецки. В основном, конечно, из-за налипшей земли. И травы. И нескольких палочек-веточек, застрявших в шерсти. И из-за масляного пятна на одном ухе. Но если вас протащить через весь сад, потом через живую изгородь и недавно смазанную маслом кошачью дверцу, вы вряд ли будете выглядеть так, будто явились на званый ужин.

Впрочем, Шлепу было наплевать на внешний вид. Он был мертв.

Зато всем остальным было на это почему-то не наплевать.

– Что же делать?

– Это конец. Соседи перестанут с нами разговаривать.

– Нужно что-то придумать.

И они придумали. План, доложу я вам, был великолепен, просто высший класс. Сперва папа Элли притащил ведро (да-да, опять!) и наполнил его теплой мыльной водой. И все поглядывал на меня, чтобы я почувствовал себя виноватым за то, что ему приходится второй день подряд возиться с моющими средствами. Я ответил ему своим фирменным взглядом «меня – этим – не – проймешь».

Потом мама Элли окунула Шлепа в ведро и хорошенько постирала, а потом прополоскала. Вода стала коричневой. Грязи-то сколько! Потом, то и дело бросая на меня взгляды, словно это я был виноват, они вылили воду и повторили всю процедуру со свежей мыльной пеной.

Элли, конечно, вся изревелась.

– Прекрати, Элли, – сказала ей мама. – Ты действуешь мне на нервы. Если хочешь принести пользу – принеси фен.

Элли поплелась на второй этаж, продолжая всхлипывать.

Я сидел на шкафу и наблюдал.

Шлепа домыли и снова окунули в ведро. Какое счастье, что он ничего не чувствовал. Ему вряд ли понравилось бы такое «измывательство». Когда вода наконец стала чистой, Шлепа вынули и вытерли. Потом положили на газету и призвали Элли с феном.

– Твоя очередь, – сказали они ей. – Сделай ему красивую укладку.

И она сделала. Получилось нечто, доложу я вам. Наверняка Элли станет всемирно известным парикмахером, когда вырастет. Шлеп и при жизни никогда не был так великолепен.

– Здорово, Шлеп, – кивал я ему, когда шел мимо проверить миску соседского кота.

– Привет, Тафф, – подергивал он в ответ носом.

Мы были добрыми приятелями. Даже друзьями. Так что я обрадовался, что благодаря усилиям Элли он смотрится таким франтом.

– И что дальше? – спросил папа.

Мама поглядела на него так, как она иногда смотрит на меня, только немного добрее.

– Ну уж нет, – сказал он. – Только не я. Нет, нет, нет и еще раз нет.

– Или ты, или я – одно из двух, – сказала она. – Не мне же идти, правда?

– Почему? – спросил папа. – Ты меньше меня. Тебе легче пролезть под живую изгородь. Вот тогда-то я и понял, что они задумали. Но как я мог их остановить? Объяснить, что ли?

Я же всего лишь кот.

Оставалось сидеть и смотреть.

Пятница

Я говорю – пятница, потому что они дождались ночи. Часы показывали за полночь, когда отец Элли наконец поднял себя из уютного кресла перед телевизором и пошел на второй этаж. Когда он вернулся, он был одет во все черное. С головы до ног.

– Ты похож на котокрада, – сказала мама.

– Жаль, на нашего кота ни один котокрад не позарится, – проворчал папа.

Я проигнорировал его слова. На это мне хватило ума.

Они вместе дошли до двери черного хода.

– Не включай свет во дворе, – предупредил папа. – Еще выглянет кто-нибудь.

Я тоже попытался выскользнуть на улицу, но мама Элли придержала меня ногой.

– Сегодня дома посидишь для разнообразия, ничего с тобой не случится, – сказала она мне. – Хватит с нас неприятностей на этой неделе.

Ой, я вас умоляю, тоже мне секрет! Мне все равно потом все пересказали Белла, Тигр и Пушкинс. Отличные, кстати сказать, ребята. Они все были свидетелями того, как отец Элли крадется через лужайку с пластиковым пакетом, в который был втиснут бедняга Шлеп, аккуратно завернутый в полотенце, чтобы не испачкался. Как он продирается сквозь лаз в живой изгороди и на животе переползает лужайку наших соседей.

– Я все ломал голову – что же это он вытворяет? – говорил потом Пушкинс.

– Загубил наш лаз, – пожаловалась Белла. – Так его раскочевряжил, что ротвейлер Томпсонов теперь в него запросто пройдет.

– У этого господина ночное зрение никуда не годится, – сказал Тигр. – Он целую вечность искал в темноте кроличью клетку.

– И открывал задвижку.

– А потом он запихнул туда старину Шлепа.

– И аккуратно уложил на соломенной подстилке.

– И ушки поправил.

– И соломкой подоткнул.

– Чтобы казалось, будто он спит.

– Кстати, получилось очень натурально, – сказала Белла. – Я бы поверила. Случись кому мимо идти, тот непременно решил бы, что старина Шлеп мирно, спокойно умер во сне от старости.

Они захохотали.

– Ш-ш-ш! – сказал я. – Потихе, ребят. А то услышат, а мне не положено сейчас быть на улице. Меня отстранили от полетов.

Они уставились на меня.

– Да ты что!

– Серьезно?

– За что?

– За убийство, – говорю. – Хладнокровное кроликоубийство.

Тут мы все снова покатались со смеху. Прямо-таки застонали от смеха. Последнее, что я слышал перед тем, как мы всей бандой рванули по Бичкрофт-драйв, был звук распахнувшегося окна спальни и вопль папы Элли:

– Как ты выбрался, хитрый зверюга?

Ну и что он теперь сделает? Заколотит кошачью дверцу?

Суб Все еще пятница

Он заколотил-таки кошачью дверцу. Нет, вы представляете? Утром спустился по лестнице прямо в пижаме и сразу же схватился за молоток и гвозди.

Бам, бам, бам, бам!

Уж как я выразительно на него смотрел! И вдруг он поворачивается и говорит мне без зазрения совести:

– Опля, дело сделано. Теперь сюда открывается, – он толкнул дверцу ногой, – а сюда нет.

В обратную сторону дверца действительно не открывалась. Он вбил гвоздь.

– Вот так-то, – сказал он мне. – Выйти – пожалуйста. Ради бога, топай, скатертью дорожка. Причем можешь оставаться на улице сколько угодно, хоть навсегда. Но если тебе вздумается вернуться, не мучайся зря, ничего с собой не тащи. Потому что теперь эта дверца – все равно что улица с односторонним движением, и тебе придется сидеть на коврике у порога, пока кто-нибудь не впустит тебя в дом.

Он поглядел на меня с нехорошим прищуром.

– И горе тебе, Таффи, если рядом с тобой на коврике окажется чей-нибудь труп.

«Горе тебе»! До чего дурацкое выражение. И что оно вообще значит? «Горе тебе»!
Это ему горе.

Суббота

Ненавижу субботнее утро. Суета, беготня, хлопанье дверей, крики: «Ты взяла кошелек?», «Где список продуктов?», «Нам нужна кошачья еда?» Разумеется, нам нужна кошачья еда. Чем еще мне питаться всю неделю? Воздухом, что ли?

Но сегодня все были какие-то притихшие. Элли сидела за столом, вырезая Шлепу надпись на симпатичном надгробном камне из остатков пробковой плитки для пола. Надпись гласила:

– Только соседям не показывай, – предупредил ее папа. – По крайней мере, до тех пор, пока они не скажут нам, что Шлеп умер.

Некоторые люди такие мягкотелые. Ну вот, опять у нее слезы на глазах.

– Вон, кстати, и соседка, – сказала мама, глядя в окно.

– Куда это она?

– В магазин.

– Хорошо. Надо постараться не столкнуться с ней, когда понесем Таффи к ветеринару. Таффи? К ветеринару?

Элли испугалась больше меня. Она бросилась к отцу и принялась молотить его кулачками:

– Папа! Нет! Ты не посмеешь!

Я дрался намного эффективнее: когти-то у меня ого-го! Когда папа наконец выковырял меня из темного шкафчика под раковиной, его свитер представлял собой жалкое зрелище, а руки были расцарапаны до локтей.

Ему это не понравилось.

– А ну вылезай, ты, жирный, мохнатый психопат! Тебе всего лишь антипаразитарную прививку сделают, хоть это и пустая трата денег!

Вы бы ему поверили? Я не был уверен на сто процентов. Элли, видимо, тоже, поэтому она пошла с нами. Когда мы подошли к клинике, я все еще был полон подозрений. Именно поэтому я и зашипел на девушку в регистратуре. Вовсе ни к чему было писать на моей карточке «ОСТОРОЖНО! ОПАСЕН!». Даже у ротвейлера Томпсонов на карточке нет надписи «ОСТОРОЖНО! ОПАСЕН!». А со мной-то что не так?

В комнате ожидания я вел себя немного грубовато. Ну и что? Ненавижу ждать. Тем более – в душной кошачьей перевозке. В ней тесно. В ней жарко. И скучно. После нескольких

часов ожидания любой на моем месте начал бы дразнить соседей. Я не собирался пугать до полусмерти бедного больного крысенка. Я просто смотрел на него. У нас же свободная страна, правда? Разве кот не имеет права даже посмотреть на миленького крошку-крысенка?

Если я и облизывался (чего и в помине не было), так это оттого, что жажда замучила. Честно. У меня и в мыслях не было его есть.

Беда крысят в том, что они совсем не понимают шуток.

Как и все прочие в этом помещении.

Папа Элли оторвал взгляд от брошюры «Ваш домашний любимец и глисты». (Мило. Очень мило.)

– Поверни клетку сеткой в другую сторону, Элли, – сказал он.

Элли перевернула.

Теперь я смотрел на терьера Фишеров. (Уж если на чьей-то карточке и надо написать «ОСТОРОЖНО! ОПАСЕН!», то на его.)

Ой, да ладно, я вас умоляю, ну, зашипел я на него. Подумаешь, один жалкий «фшик». Это какой острый слух надо иметь, чтобы такой «фшик» услышать?

Ну, порычал он чуть-чуть. Уж если на то пошло, отчего бы ему не порычать? В конце концов, кто из нас двоих собака?

Ой, да ладно, ну, ударил я лапой по прутьям, так что с того? Никто бы и не заметил даже, если, конечно, специально не приглядываться.

Откуда мне было знать, что он плохо себя чувствует? Не все, кто сидит в очереди к ветеринару, больны. Я, например, не болен. Я вообще ни разу в жизни не болел. Даже не знаю, каково это. Но, наверное, если бы я лежал при смерти и на меня чуточку пошипело маленькое пушистое создание, находящееся к тому же за решеткой, я бы не стал скулить, дрожать и, стуча когтями, лезть под стул, чтобы спрятаться в ногах у хозяйки.

Это к лицу скорее цыпленку, чем скотч-терьеру, если хотите знать мое мнение.

– Следите за вашим несносным котом! – сварливо сказала миссис Фишер.

Элли за меня заступилась:

– Он в клетке!

– Тем не менее он до смерти напугал половину животных. Накройте его чем-нибудь, что ли.

Элли явно собиралась спорить дальше. Но ее папа, не отрывая глаз от брошюры про глистов, бросил на перевозку свой плащ, словно я какой-то старый глупый попугай.

И мир поглотила тьма.

Неудивительно, что, когда ко мне подошла докторша с длинной, отвратительной иглой, я был немного не в духе. Хотя и не имел намерения сильно ее царапать.

Как и разбивать все эти стеклянные пузырьки.

Как и скидывать со стола дорогие новые весы.

Как и разливать жидкость для дезинфекции.

Но мое направление на прививку на мелкие клочки порвал не я. Это уже сделала она, ветеринарша.

Когда мы вышли, Элли опять плакала. Она крепко прижимала к груди мою клетку.

– О, Таффи! Постарайся не попасть под колеса, пока мы не найдем нового ветеринара, который согласится тебя привить.

– Ищи дурака! – буркнул папочка.

Я испепелял его взглядом сквозь прутья решетки, и тут он заметил маму Элли, стоящую у дверей супермаркета. Ее окружало море пакетов, волны плескались у колен.

– Вы ужасно опоздали! – возмутилась она. – Что-то случилось в клинике?

Элли ударилась в слезы. До чего же мякотелая особа. Но папа ее был кремень. Он набрал полную грудь воздуха, чтобы излить накопившиеся чувства, но внезапно снова выпустил его. Краем глаза он приметил проблему иного рода.

– Быстро! – шепнул он. – Там, у кассы, наша соседка!

Он подхватил половину пакетов. Мама Элли сгребла остальные. Но мы не успели улизнуть – из стеклянных дверей супермаркета вышла соседка.

Все заговорили одновременно.

– Доброе утро, – сказал папа Элли.

– Доброе утро, – сказала соседка.

- Славный денек, – сказал папа Элли.
- Прелестный, – согласилась соседка.
- Лучше, чем вчера, – сказала мама Элли.
- О да, – сказала соседка. – Вчера был ужасный день.

Она, может, имела в виду погоду. Но Элли уже моргала часто-часто. Не пойму, за что она так любила Шлепа. Вроде бы это я ее домашний любимец, а не он. И поскольку от слез она уже не различала, куда идет, то врезалась в маму, та уронила пакет, и консервы с кошачьим кормом покатались по улице.

Элли поставила мою клетку и бросилась за ними. Но вот читать надпись на банке ей не стоило.

- О, нет! – заревела она. – «Кролик – сочные кусочки»!

До чего чувствительный ребенок. Она бы не выжила в нашей банде. Недели бы не протянула.

– Кстати, о кроликах, – сказала соседка. – С нами приключилась невероятнейшая история.

- Правда? – сказал отец Элли, взглянув на меня.

- Вот как? – сказала мама Элли, взглянув на меня.

– Да, – сказала соседка. – В понедельник бедняжка Шлеп приболел, и мы забрали его в дом. Во вторник ему стало хуже. А в среду он умер. Он был ужасно старый и прожил хорошую жизнь, и это послужило нам утешением. Мы похоронили его в глубине сада в коробке из-под обуви.

Я созерцал проплывающие над нами облака.

- А в четверг он пропал.

- Пропал?

- Пропал?

- Да, пропал. Осталась только яма в земле да пустая коробка.

- Правда?

- Боже милостивый!

Папа Элли смотрел на меня с недоверием.

– А вчера, – продолжала соседка, – случилось самое странное. Шлеп вернулся. Снова лежал в своей клетке, такой чистенький, пушистый.

- В клетке, говорите?

- Пушистый? Не может быть!

Надо отдать им должное, играли они на славу. Держались до самого дома.

- Какая удивительная история!

- Как это могло произойти?

- Поразительно!

- Надо же!

Так продолжалось, пока за нами не закрылась дверь. И тогда эти двое повернулись ко мне.

- Ах ты обманщик!

- Заставил нас думать, что это ты его убил!

- Столько времени притворялся!

- Я знала, что он не мог этого сделать. Кролик был толще его!

Можно подумать, они жалели, что это не я убил кролика.

Все, кроме Элли. Она была сама доброта.

– Не смейте ругать Таффи! – сказала она. – Оставьте его в покое! Спорим, он даже не выкапывал беднягу Шлепа. Спорим, это сделал мерзкий, злобный терьер Фишеров. А

Таффи просто принес его нам, чтобы мы его похоронили как подобает. Он герой. Добрый, умный герой.

И она обняла меня – крепко и нежно.

– Правда, Таффи?

Что я мог сказать? Ничего. Я же кот. Так что я просто сидел и смотрел, как они вытаскивают гвозди из кошачьей дверцы.

Возвращение кота-убийцы

Как это начиналось

Ой, ладно, я вас умоляю! Ну, побейте меня по пушистым лапкам-царапкам. Я все испортил.

Зато какое было шоу!

Так и быть! Отдерите меня за хвост! Я же самый настоящий преступник. И что вы будете со мной делать по этому поводу? Конфискуете мою миску и скажете: «Ай-яй-яй, гадкий, гадкий кот!»?

От нас, от котов, вроде и не требуется четко выполнять команду «рядом!», делать только то, что велено, и преданно заглядывать вам в глаза: мол, не принести ли тапочек или еще чего-нибудь?

У нас, котов, своя жизнь. Мне нравится управлять своей жизнью. И меня отнюдь не тяготит одиночество, когда все семейство уезжает в отпуск.

– О, Таффи! – волновалась Элли, сжимая меня в объятиях на прощание. Мой холодный взгляд весьма ясно выражал мысль: «Осторожно, Элл! Не увлекайся, а то поцарапаю». – О, Таффи! Нас целую неделю не будет!

Целую неделю? Волшебные слова! Целую неделю млеть на солнышке среди цветов, не вздрагивая от воплей мамы Элли: «Таффи! Брысь оттуда! Все грядки мне помял!»

Целую неделю валяться на телевизоре, не выслушивая ворчание папы Элли: «Таффи! Хвост убери! Ворота загородил!»

И главное – целую неделю меня не будут пеленать и заталкивать в старую соломенную корзину, которую Элли и ее соседка-плакса по имени Мелани приспособили под колыбельку, чтобы баюкать и тискать меня.

– Ох, Элли, как же тебе повезло! Вот бы и у меня был кто-нибудь вроде Таффи! Он такой мягкий и пушистый!

Конечно, я мягкий и пушистый. Я же кот.

Притом кот неглупый. Я достаточно умен, чтобы понять, что сидеть со мной в этот раз приглашена не миссис Тэннер, как бывало раньше...

«...Нет, ей пришлось внезапно уехать к дочери в Дорсет... Нет ли у вас на примете человека, который мог бы нам помочь... Всего на шесть дней... А вы уверены, что вас это не затруднит, преподобный? Ах вот как. Вы любите котов, и он вам не мешает...»

Помешаю ли я проповеднику? Пф! Важнее, не мешает ли он мне.

«Дом, милый дом!» Милый ли?

А-га! Мистер Домовитая Хозяюшка!

– А ну брысь с подушки, Таффи. Тебе что, позволяют валяться на диване?

Прошу прощения! Этот батюшка что, не заметил, с кем разговаривает? И чем я должен заниматься, по его мнению? Полы драить? Печатать на компьютере? Вскapyивать грядки?

– Таффи! Не дери мебель.

Че-го-о-о? Это что? Чей дом-то? Его, что ли? Мой! Если захочу подрать мебель, я и спрашивать не буду.

И хуже всего:

– Нет, Таффи! Я не открою новую банку, пока это не доешь.

Вот именно – «это». «Это» засохло. Почернело. «Это» – вчерашние объедки!

И я «это» есть не намерен.

Я развернулся и пошел прочь. Преподобный Барнэм заорал мне вслед:

– Вернись и доешь ужин!

Размечтался! Щас! Я встретился со своими – с Беллой, Тигром и Пушкинсом – и сказал, что остался без ужина. Они тоже проголодались, и мы уселись на стене и немного повыли, размышляя, где бы поесть.

– Можно пообгрызать сыр с остатков пиццы.

– А как насчет жареной рыбки?

– Я бы пошел на убийство ради куска мяса.

– Никто не желает телячьих ребрышек?

В конце концов мы остановились на китайской кухне. Обожаю, как они готовят утиные ножки! Тигр включил нюх на поиски нужного места и затрусил по улице, а потом мы сыграли в «рви пакеты». Довольно скоро мы с аппетитом ужинали на нашей стене.

– Очень вкусно.

– Отлично.

– Достойный выбор. Надо здесь почаще столоваться.

– Порции огромные. Какие люди, а? Хорошие продукты выбрасывают!

Да уж, а вот мой приятель проповедник явно ничего не выбрасывал. Наутро он снова выставил передо мной засохшие объедки.

– Таффи, я не стану открывать новую банку. Будь ты на самом деле голоден, ты бы это съел.

Серьезно? С чего это он взял?

И тут он бросил взгляд за окно.

– Что за бардак в саду! Откуда такая куча рваных пакетов из-под еды? И почему мне всю ночь мешал спать жуткий кошачий вой? Сегодня вечером гулять не пойдешь.

Хоть я и глух к замечаниям, но со слухом у меня все в порядке. Спасибо за предупреждение, преподобный! Я улизнул на второй этаж и стал скрести окно в ванной комнате, пока не появился небольшой зазор. Ага, то, что надо. Мельком взглянешь – не заметишь, что закрыто неплотно, а если хорошенько толкнуть лапой – окно откроется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.